

**Проповедь пастора Эльвиры Жейде
на первое после Рождества воскресенье
30.12.2018**

Новое начало

Дорогие братья и сестры!

«Когда же они отошли, — се, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе, ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его» (Мф. 2, 13).

Новый год – это не только елка, подарки, и надежда на исполнение желаний,
это – новый взгляд на церковь.

Любой сотрудник системы усыновления скажет вам, что намного легче в семью принять младенца или малыша. И целый ряд проблем будет ожидать приемных родителей с подростком или почти взрослым. Младенец просто почувствует любовь и тепло. Ему все равно, как зовут его новых мать и отца, кем они работают, похожи ли он на них. Подросток хочет увидеть и получить то, что ожидает. Понимает, что все сложно и цепляется за последний аргумент в неизбежном споре, с болью признавая, что он – не родной. А они ему – никто. Значит, не имеют права вмешиваться в его жизнь.

Родные дети говорят по-другому – я уже взрослый, могу решать сам. В обоих случаях в конфликте ребенок хочет уйти – в свою комнату, на улицу, к друзьям. В серьезных случаях – бежит из дома. От чего он спасается?

Люди приходят в церковь по-разному. Одни, как дети, просто чувствуют любовь и тепло, атмосферу уюта и защищенности. Им хорошо здесь. Другие ищут понимания, признания, уважения. Третьи – потому что так принято и так делали родители (бабушки, прабабушки).

Господь ждет и приглашает всех. Особенно детей. Даже если они уже прожили долгую и интересную жизнь, но в душе все еще тянутся к теплу, свету, ждуют любви и умеют ее дарить.

Он, как приемный родитель, открывает свои двери нам, таким разным. Кто-то привыкает с пеленок и не задается вопросами. Кто-то бунтует и в какой-то момент спрашивает – почему я должен слушаться и подчиняться? Я давно сам по себе, и здесь – не моя семья. И бежит.

Со времени сотворения человек нуждается в убежище. Научился обуустраивать пещеры, строить стены и города, спускаться под землю и в океан, подниматься в космос. И научился защищать это убежище. Закрывать замки, хлопнуть дверью, просто молчать и замыкаться в себе. Отключать все чувства и эмоции. Или не все. Так большее. Если бежать некуда и убежищем становится собственное тело.

Некоторые вешают на двери иконы, молитвы – вдруг вор или агрессор постыдится. Или Бог защитит.

Но со времен сотворения все рукотворные убежища оказываются ненадежными. Рай человек потерял. Потоп смыл все строения, оставив лишь один ковчег. Содом и Гоморру поразил гнев Божий. Даже Храм Иерусалимский не устоял, и ковчег Завета не помог.

Куда там жалким домишкам – рушились империи, менялись континенты. Даже кладбища не гарантировали вечный покой – часто могилы грабили, памятники разбивали. Память оскверняли...

Церковь – это первое и единственное убежище человека, которое не может быть разрушено, по образному выражению - и врата ада не одолеют ее. Так ли они огромны, чтобы поглотить церковь, как игольное ушко – верблюда? Так ли они сильны, чтобы, подобно пасти огромного дракона или кита, просто захлопнуть челюсти в замок, и потихоньку пережевывать и переваривать церковь, доставляя мучения верующим? Что это за зверь – врата ада? И кто это – церковь, которая стоит перед ними и побеждает их?

Покидая церковь, ища другое убежище, может ли человек быть уверен, что оно устоит? Вспомним сказку про трех поросят.

Покидая церковь, человек становится изгнанником. Иногда он даже запрещает себе оборачиваться. Иногда он просто сидит на богослужении, но не переживает все то, что на нем происходит. Не позволяет своей душе открыться. Не верит, что его примут. Что ж, всем свое время. Главное – продолжать стараться. Пробовать. Без обид. Без гнева. Не отворачиваясь и не уходя в себя. Да здесь все такие. Нет избранных. Нет родных и приемных. Все свои.

Убежать из церкви удастся по-разному. Конечно, можно просто перестать ходить на богослужения. Можно свести все к формальностям. Можно попытаться навязать церкви свои представления о ней.

Мартин Лютер в своем комментарии на Песнь Богородицы – Magnificat – писал: *«Сейчас весь мир полон богослужений с пением, проповедью, звуками органов и труб. Магнификат исполняется великолепно. Но, к несчастью, эта бесценная песнь настолько лишилась у нас силы и жизни, что мы поем её только когда нам хорошо. Когда же нам плохо - пение прекращается. Мы уже не думаем о Боге, мы полагаем, что Бог не может или не хочет нами заниматься. Поэтому и Магнификат оказывается за дверью.»*

Бог не пугает. Страх вызывает дьявол. Проще и безобиднее представляется не ходить на Причастие, чем наступить на распятие или повесить дома перевернутую пентаграмму. С дьяволом заигрывать мы остерегаемся. Но ежедневно испытываем терпение Бога. Переходим дорогу на красный, пробегаем под носом у поезда, позволяем лишнего за столом, зная все свои диагнозы, кричим на ближних – ведь все забудется. Не делаем свою работу, а потом ругаем Бога за увольнение. Бездумно тратим деньги и жалуемся на нищету. Отталкиваем тех, кто хочет помочь, отбрасываем ненужную любовь, сочувствие, конструктивную критику. Как подростки. Когда кажется, что это весь мир неправ и несправедлив. И Бог все это допускает, потому что мы Ему не родные. И даже не любимчики.

Как правило, все познается в сравнении. Проходит время, и каждый беглец возвращается. Или его находят. Что делают родители, когда ребенок бежит? Правильно – начинают поиски. Также и Бог – Он не остается в стороне. Не ждет, что овечка погуляет и придет сама, когда проголодается и замерзнет. Но и не тащит насильно назад. Нет. Он просто рядом там, где нашел. Стены здесь ни при чем. Для Бога их нет. Врата ада – это тоже не место и не время. Может быть – пропасть, за каким-нибудь полем и под обрывом... Может быть – маленькое отверстие где-то в предсердии – этакий скрытый порок, который в любую секунду может обнаружиться и остановить нас.

Мы читаем не просто евангельскую историю. Но нашу с вами историю. Историю своего прошлого, настоящего и будущего. В нашей жизни Христос рождается. И на наших глазах мать и Иосиф поспешно собирают свои вещи и пускаются в бегство. Этот Младенец должен еще успеть вырасти и повзрослеть, многому научиться прежде, чем впервые расскажет нам о том, что Он спасся тогда, чтобы потом спасти нас. С тех пор Он всегда в дороге. Все, что мы читаем о Нем – это история переходов, приходов и уходов, бегства в ночи и триумфального возвращения под крики «Осанна». Лишь однажды Он откажется убегать – под крики «распни его». Мы же бежим при малейших сомнениях и неудобствах. По счастью, как правило, возвращаемся. Получаем свой опыт. Или нас ведет обратно Тот, кому мы очень дороги.

Мы бежим от смерти к жизни, от тьмы к свету. Всё прекрасно. За одним исключением — а что с оставшимися у нас за спиной? А что с теми, кто шагнул вперед?

Наша Церковь — средоточие света, и средоточие сверхлучезарной тьмы, как говорил наш настоятель в проповеди на Рождество. Кого-то это поражает внезапно, кому-то нужно привыкнуть постепенно, многие прибегают к этому средству жить в свете лишь в крайнем случае. Иногда мы стыдимся этого света. Да и быть серым на сером удобнее, и грязь не видно.

В своей рождественской сказке известный детский писатель Ника Батхен так написала о том, как люди иногда поступают в жизни: *«мы отказываемся от того, что породили. От маленьких отражений души, от прекрасных плодов*

сердечного сада, от разноцветных птиц помыслов. Сами стираем свои следы, тушим светильники, сыплем в грязь собственные дивные жемчуга. Да, возможно наши дети несовершенно - но они наши. Часть нас, отпечатки наших пальцев, оттиски на глине мироздания». Мы много чего уже сделали в своей жизни. «Да, возможно это не идеал. Но принимая свое творчество и свои творения, мы принимаем себя - все, что есть внутри нас. Мы растим наши чудеса и делимся нашими жемчужинами, ставим наши светильники на подоконник - пусть светят всем проходящим. Мы проявляем в себе частички божьего образа - и творим от всего сердца...»

Мы можем бежать от себя – но повсюду нас будут окружать наши акты творения и творчества. Как повсюду будет Бог и Его любовь.

В 1779 году наш прежний пастор Иоахим Грот написал в своей проповеди: *«...вера подает нам наилучшее представление, наивернейшее утешение, наилучшее успокоение. Она прогоняет тьму нашего разума, выводя нас из неведения, открывает нам предубеждения наши, опровергает сомнения и преодолевает заблуждения. ... Она защищает нас против угрызений совести и облегчает вполнину прискорбия жизни нашей. Она обезоруживает ужасы смерти и открывает нам наименее неприятные виды в беспредельности грядущего времени. ... да сочтем счастьем быть Христианами, освещенными Христианами, это наиважнейшее для нас преимущество».*

Так что бояться нам нечего. Нам не нужно скрываться, нам не нужно стесняться имени христианина.

Несмотря на всю свою основательность и незыблемость, древние традиции и историю, церковь слишком хорошо знает, что такое преследования и запреты.

Как пишет наш настоятель в одной из своих статей: *«Церковь – это коммуникация Евангелия, вернее, совокупность людей, вовлеченных в эту коммуникацию».*

Если мир не услышит ни одного слова о Христе и Кресте, то мир поймет, что Церковь мертва. И с удовольствием разграбит место ее погребения. Во все времена на надгробиях христиан были кресты и библейские изречения – такая посмертная проповедь миру в мертвом камне. Что же скажут сегодня камни живые, из которых и состоят общины? А что они скажут завтра?

В понимании Мартина Лютера христианство – это сообщество тех, кто затронут Святым Духом и держится вместе. В последующих переводах слово «христианство» заменили словом «церковь».

Мы, наша община, - часть этого сообщества. Что мы можем предложить вратам ада? Детскую уверенность в том, что мы любимы? Или подростковый протест и неверие?

До каких пор и пределов мы будем убегать?

Как бы быстро мы ни бежали – Бог идет навстречу, и всегда сокращает расстояние между нами.

В разные времена казалось, что церкви вот-вот не станет. Но она скрывалась лишь на время. И возрождалась, пока оставались пусть даже двое или трое. Свои.

Сколько нас здесь?

Аминь